...ьство НАРОДОПРАВСТВО.

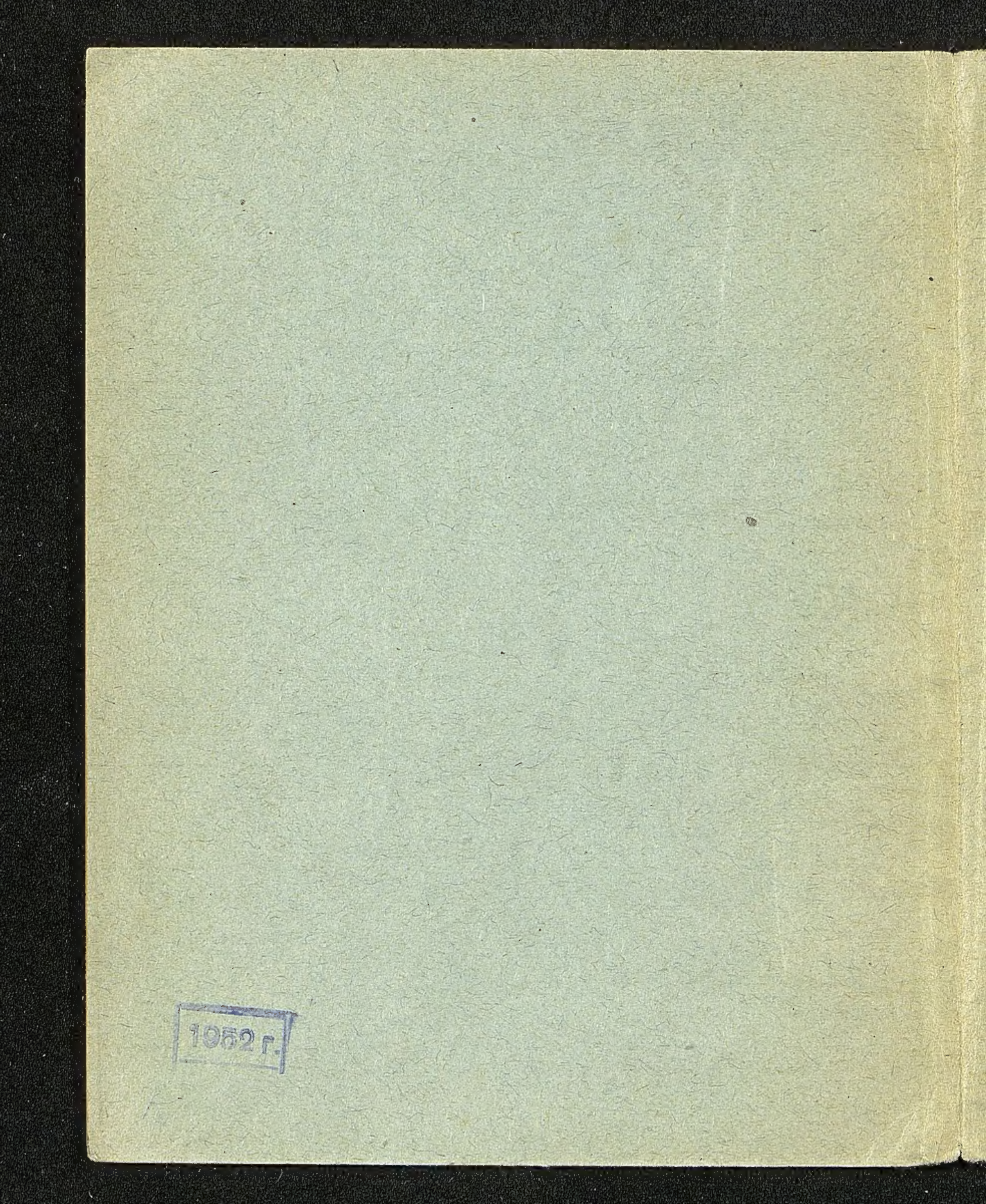
Нужна ли война?

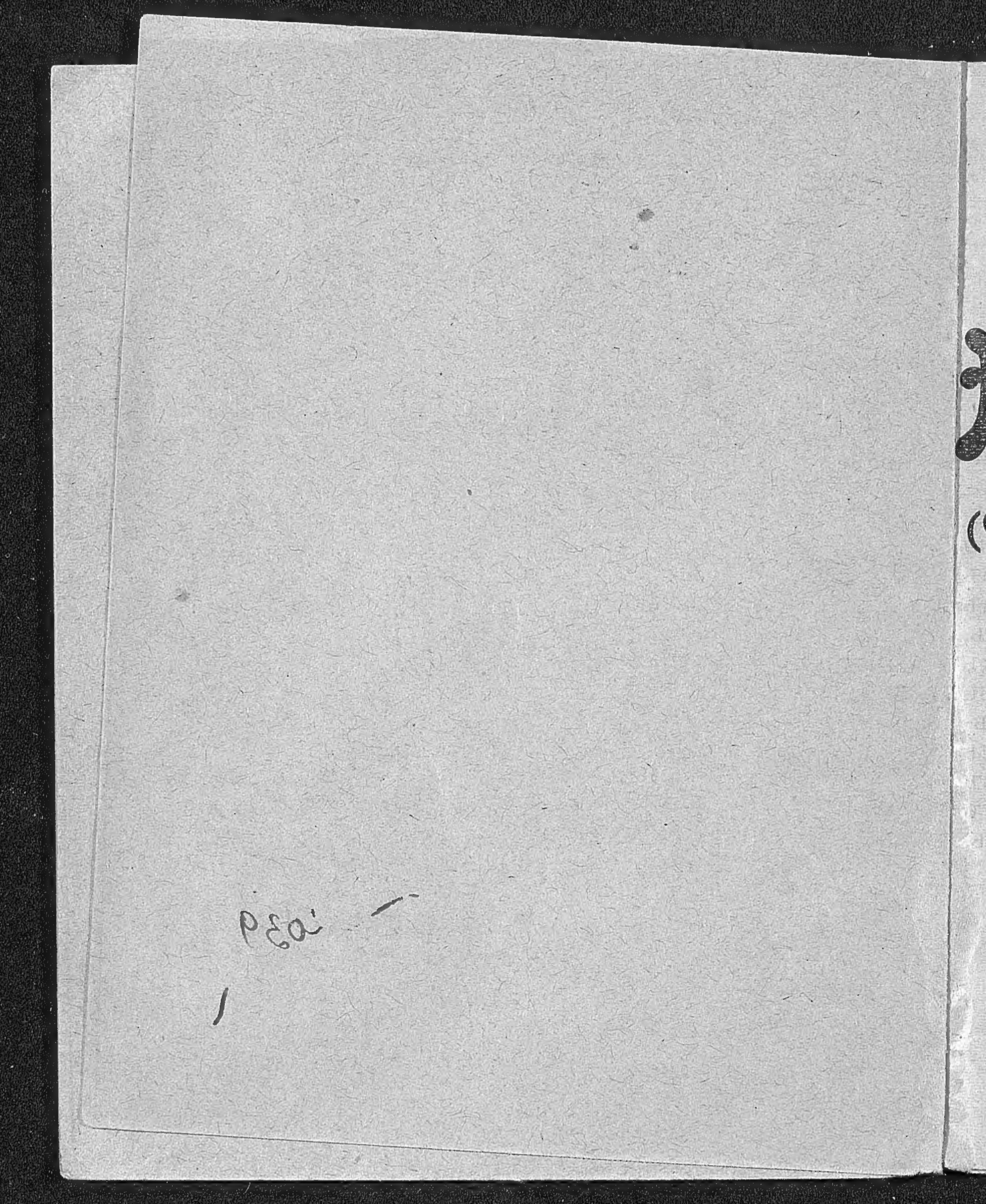
(Статьи В. Короленко, П. Кропоткина, Г. Плеханова, Бернарда Шоу).

№ 1.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.
Типографія Моск. Т-ва Н. Л. Казецкаго. Мясницкая, 20.
1917.

1952 г.

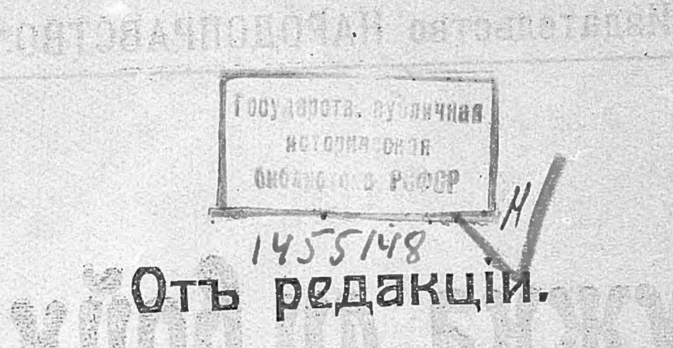
Издательство НАРОДОПРАВСТВО.

Нужна ли война?

(Статьи В. Короленко, П. Кропоткина, Г. Плеханова, Бернарда Шоу).

№ 1.

МОСКВА.
Типографія Моск. Т-ва Н. Л. Казецкаго. Мясницкая, 20.
1917 г.

Отъ редакціи.

Едва ли приходится доказывать, что однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, выдвинутыхъ трагически-сложной современностью, является отношеніе къ войнѣ. Въ связи съ великой русской революціей вопросъ этотъ пріобрѣлъ еще большую значительность и остроту. Статьи, вошедшія въ настоящую книжку, представляютъ, на нашъ взглядъ, безусловную историческую цѣнность, серьезную подмогу для широкихъ читательскихъ массъ. Памятуя, что лицамъ, стоящимъ у власти, далеко не всегда дается внутренняя объективность и не вызывающая сомнѣній независимость мысли, мы не печатаемъ обращеній и отзывовъ даже такихъ друзей демократіи, какъ Альбертъ Томъ, Вандервельде и Гендерсонъ, занимающихъ, какъ извѣстно, министерскіе посты.

Защищайте свободу.

Телеграммы военнаго министра и временнаго правительства бьютъ тревогу. Опасность надвигается. Будьте готовы.

Къ чему? Къ торжеству свободы? Къ ликованію? Къ скорѣйшему устройству будущаго? Нѣтъ, къ сраженіямъ, къ битвамъ, къ пролитію своей и чужой крови. Это не только жизненно, но и ужасно. Ужасно, что эти призывы приходится слышать не отъ однихъ военныхъ, чья профессія—кровавое дѣло войны на защиту родины, но и отъ насъ, 70 писателей, чей голосъ звучитъ естественнѣе въ призывахъ къ любви и миру, къ общественному братству и солидарности, кто всегда будилъ благородную мечту о томъ времени, «когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся». Эта далекая завѣтная мечта жива и теперь, но она еще больше отдалилась, затянулась дымомъ и кровавыми туманами, и намъ, писателямъ, соединившимъ въ своей душѣ любовь къ человѣчеству съ любовью къ родинѣ, приходится подхватить тревожный кличъ тѣхъ, кого суьдба поставила настражѣ родины въ тревожную годину ея жизни.

Тревога звучитъ, ширится, облетаетъ страну. Я желалъ бы, чтобы голосъ печати звучалъ, какъ труба на зарѣ, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду, до самыхъ дальнихъ угловъ, заронить въ наименѣе чуткія сердца, въ самыя безпечныя души. Тревога, тревога! Смотрите въ одну сторону, дѣлайте въ эти дни одно дѣло, имъ довлѣющее. Съ запада идетъ туча, которая когда-то надвигалась на Русь съ востока, и она готова опять покрыть своей тѣнью родную землю, надъ которой только что засіяло солнце свободы.

До сихъ поръ я не написалъ еще ни одного слова съ такимъ призывомъ, но не потому, что я и прежде не считалъ обязательной защиту родины. Правда, я считаю безумной свалку народовъ, озарившую кровавымъ пожаромъ европейскій міръ и грозящую загорѣться въ другихъ частяхъ свѣта великимъ преступленіемъ, отъ отвѣтственности за которое не свободно ни одно правительство, ни одно государство. И когда наступитъ время мирныхъ переговоровъ, то, по моему глубокому убѣжденію, эта истина должна лечь въ основу для того, чтобы этотъ ужасъ не повторялся. Нужно быть настражѣ великаго сокровища—мира, который не сумѣли сберечь для насъ правительства королей и дипломатовъ. Когда это несчастье готово было разразиться (я говорю это искренно и съ сознаніемъ всего значенія слова), я не пожалѣлъ бы отдать остатокъ жизни тѣмъ, кто могъ бы съ какимъ-нибудь вѣроятіемъ противопоста-

вить этому безумію дѣятельную идею человѣческаго братства. Она давно зародилась въ благороднѣйшихъ умахъ и пускала уже ростки въ человѣчествѣ.

Да, за это дѣло стоило бы отдать жизнь, если бы была малѣйшая надежда удержать море враждебной крови. Но ростки международнаго братства еще безсильны и, какъ игрушечныя плотинки передъ порывомъ моря, ничего удержать не могутъ.

Это не упрекъ идеѣ международнаго братства. Слабая вначалѣ идея часто со временемъ завоевываетъ міръ, но теперь пока она слаба. Въ дѣйствительности она можетъ служить опорой благородной мечты, утѣшеніемъ, но не средствомъ защиты. Это—дальній огонь, но не указаніе ближайшихъ путей въ виду страшной опасности.

А рѣчь идетъ именно о томъ, что надвигается, что уже близко, что закрываетъ намъ свѣтъ, что требуетъ немедленнаго отвѣта. Оно можетъ на столѣтіе наложить тяжкій гнетъ на жизнь поколѣній. Вотъ почему я чувствую повелительную обязанность заговорить о предметѣ, мнѣ не свойственномъ въ обычные дни, чтобы передать моимъ согражданамъ мою тревогу.

Россія только что совершила великое дѣло—свергла вѣковое иго. Однимъ деспотизмомъ стало меньше. Одной свободой больше на свѣтѣ. Еще недавно союзъ съ нами враги ставили въ упрекъ нашимъ союзникамъ и свою борьбу выставляли,

какъ борьбу съ восточной деспотіей. Теперь всѣ народы обращаются къ нашей родинѣ съ восхищеніемъ и надеждой, потому что юная свобода въ моментъ рожденія имѣетъ волшебную силу омолаживать свободу другихъ народовъ, придавать имъ новую свѣжесть и жизнь.

Вотъ что значитъ для насъ защита родины. Нужная всегда, теперь она вдвое нужнѣе. Съ нею мы защищаемъ новую свободу, которой внѣшнее нашествіе грозитъ смертельной опасностью. Если бы теперь нѣмецкое знамя развернулось надъ нашей землей, то всюду рядомъ съ нимъ развернулось бы также знамя реставраціи,—знамя возстановленія деспотическаго строя. Нами сталъ бы повелѣвать не только Николай Романовъ, но черезъ него и Вильгельмъ Гогенцоллернъ. Вильгельму Гогенцоллерну нужно, чтобы Россія надолго оставалась подавленной и темной. Неужели это неясно?

Для отраженія этой опасности Россія должна стать у своего порога съ удвоенной, съ удесятеренной энергіей передъ этой грозой. Забудемъ всѣ распри, отложимъ споры о будущемъ! Долой партійное мѣстничество, долой призывъ къ раздорамъ! Пусть историческая, роковая минута застанетъ Россію готовой. Пусть всѣ смотрятъ въ одну сторону, откуда раздаются тяжелый топотъ германца и грохотъ его орудій. Задача ближайшаго дня—отразить нашествіе, оградить родину и ея свободу. Два русскихъ сосѣда въ траншеяхъ зорко

смотрятъ въ сторону наступающаго противника. Одинъ республиканецъ, другой конституціоналистъ. Чѣмъ они должны чувствовать себя въ эту роковую минуту? Соратники въ настоящемъ, политическіе противники въ будущемъ, сейчасъ они дѣлаютъ одно дѣло—защищаютъ свою родину отъ внѣшняго и внутренняго порабощенія.

Оставимъ же будущему дню его злобу и его вопросы. Теперь одно вниманіе,—вниманіе въ этотъ великій рѣшительный часъ. Нужно не только радоваться и пользоваться свободой, но и заслужить ее до конца, а заслужить можно однимъ послѣднимъ усиліемъ для отраженія противника.

Работа на фронтѣ и въ тылу, на всякомъ мѣстѣ для отраженія опасности, до конца великой войны. Можетъ-быть, это почти уже близко, близокъ день, когда на великое совѣщаніе мира явятся въ семью европейскихъ народовъ делегаты Россіи и скажутъ: мы вошли въ войну рабами и къ концу ея приходимъ свободными. Выслушайте же голосъ свободной Россіи. Она скажетъ теперь не то слово, которое сказали бы царскіе дипломаты. У свободной Россіи есть что сказать на великомъ совѣщаніи народовъ, которое должно положить основу долгаго прочнаго мира.

В. Короленко.

Единеніе въ борьбѣ за свободу.

Чтобы достигнуть своей конечной цѣли, пролетаріатъ долженъ обладать значительными силами. Силы его увеличиваются по мѣрѣ того, какъ прогрессируетъ экономическая эволюція современнаго общества. Поэтому пролетаріатъ долженъ тщательно устранять все, что можетъ замедлить эту эволюцію. Со времени уничтоженія крѣпостного права въ 1861 году нашъ политическій режимъ являлся самымъ большимъ препятствіемъ къ эволюціи продуктивныхъ силъ Россіи. Рабочій классъ это почувствовалъ, и сейчасъ же на исторической сценѣ проявилась его неумолимая ненависть къ этому режиму. Однако, собственныхъ силъ пролетаріата было недостаточно, чтобы свергнуть этотъ режимъ. Чтобы избавиться отъ деспотизма, понадобилось единеніе всѣхъ тѣхъ слоевъ нашего народа, интересы которыхъ болѣе или менѣе страдаютъ отъ этого деспотизма. Сильный ударъ, нанесенный деспотизму нашимъ освободительнымъ движеніемъ въ октябрѣ 1905 года, явился результатомъ этого единенія. Россія обязана этому же самому единенію только что протекшими историческими славными днями. Это безспорно.

Безъ сомнѣнія, это не означаетъ, что такое единеніе можетъ длиться безконечно. Наступитъ время, когда двое идущихъ теперь вмѣстѣ пойдутъ по разнымъ и даже противоположнымъ направленіямъ. Но этотъ моментъ еще не наступилъ. Теперь необходимо, прежде всего, укрѣпить общими усиліями позиціи, которыя отбиты у внутренняго врага. Гражданская война, вспыхни она въ лагерѣ побѣдителей, позволитъ лишь реакціи поднять голову и, можетъ-быть, дастъ ей возможность восторжествовать еще разъ. Такая неудача отбросила бы насъ на двадцать лѣтъ назадъ. Всѣ тѣ, кто участвовалъ въ борьбѣ противъ царизма, какъ крайняя лѣвая, такъ и прогрессивный блокъ, должны глубоко проникнуться этой истиной.

Говоря только о тактикѣ рабочаго класса, я ограничусь лишь слѣдующимъ указаніемъ. Полуанархистская печать Западной Европы (см. «Avanti» отъ 19 марта) плачетъ уже о русскомъ рабочемъ классѣ, обманутомъ буржуазіей. Было время, когда подобныя ламентаціи могли произвести большое впечатлѣніе,—когда наше движеніе было еще въ своемъ зародышѣ. Идеи Бакунина тогда господствовали, но время это далеко. Рабочій классъ теперь созрѣлъ. Утопическая доктрина Бакунина замѣнена научной теоріей Маркса. Если пролетаріатъ идетъ теперь съ тѣмъ или инымъ классомъ общества, то это не потому, что онъ не понимаетъ своего положенія въ капиталистическомъ обществѣ и своей исторической миссіи, но,

наоборотъ, потому, что онъ даетъ себѣ въ этомъ точный отчетъ. Если онъ тѣмъ самымъ дѣлаетъ обществу ту или иную уступку, это не потому, что онъ отказывается отъ защиты своихъ классовыхъ интересовъ, а, наоборотъ, для того, чтобы имѣть возможность въ будущемъ защищать эти интересы съ большими силами и болѣе увѣренно. Если онъ поддерживаетъ наше временное правительство, то потому, что онъ знаетъ, что, дѣйствуй онъ иначе, онъ измѣнитъ своему собственному дѣлу. Этого достаточно, чтобы опредѣлить его поведеніе и заставить замолчать всѣ догматическіе предразсудки.

Salus populi suprema lex! Если бы пролетаріатъ отказалъ въ своей поддержкѣ нашему временному правительству подъ тѣмъ предлогомъ, что это правительство—буржуазное, онъ увеличилъ бы въ громадной пропорціи шансы контръ-революціи. Какъ справедливо замѣчаетъ Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ отъ 1871 г., реальные успѣхи рабочаго движенія обратно пропорціональны развитію сектантства въ соціализмѣ. И это еще не все.

Если реакціонный Катилина живетъ еще и интригуетъ внутри нашей страны, то германскій Ганнибалъ стоитъ у нашихъ воротъ. Мы должны прогнать его во что бы то ни стало, и это будетъ побѣда нашей молодой свободы.

Одержавъ побѣду, Германія не замедлитъ взять насъ подъ свое экономическое иго и возстановить нашъ старый политическій режимъ. Русскій про-

летаріатъ будетъ слѣпымъ, если не увидитъ этой ужасной опасности.

Не одна полуанархическая печать проповѣдуетъ, что наступилъ моментъ политической изоляціи русскаго пролетаріата. Лидеръ большинства германскихъ соціалъ-демократовъ Шейдеманъ говоритъ, что онъ очень удивляется сотрудничеству трудовика Керенскаго съ либералами типа Шингарева. Шейдеманъ, этотъ вѣрный слуга Бетманъ-Гольвега, душой и тѣломъ преданный германскому имперіализму, модель его, хотѣлъ бы, чтобы нашъ пролетаріатъ отдѣлился въ настоящій моментъ отъ передовой буржуазіи. То, что полуанархисты говорятъ по наивности, господинъ Шейдеманъ повторяетъ лицемѣря. Онъ отлично знаетъ, что изоляція пролетаріата ослабитъ нашу страну и ея оборонительныя силы, и этого-то ему и надо. Онъ слишкомъ имперіалистъ и смотритъ на русскій народъ слишкомъ презрительно, чтобы задать себѣ вопросъ, не принесетъ ли тактика, которую онъ навязываетъ русскимъ рабочимъ, вреда нашей свободѣ. Но нашъ пролетаріатъ сумѣетъ выйти на настоящую дорогу, несмотря на наивныя пожеланія полуанархистовъ всѣхъ странъ и лицемѣрные совѣты германскихъ и австрійскихъ соціалъ-демократовъ изъ лагеря большинства. Лассаль сказалъ: «Мы всѣ знаемъ, чего стоитъ нашъ старый режимъ, и поэтому въ борьбѣ противъ него отбросимъ всякіе компромиссы съ нимъ и всѣ разногласія между нами; схватимъ его за горло

и придавимъ колѣномъ его грудь!». Русскій пролетаріатъ также знаетъ, что такое нашъ прежній режимъ. Онъ тоже долженъ свалить его и придавить колѣномъ его грудь. Но чтобы совладать со своимъ злѣйшимъ врагомъ, онъ долженъ обратиться къ доброй волѣ всѣхъ тѣхъ русскихъ гражданъ, которымъ опротивѣлъ позорный режимъ воровъ и разбойниковъ, фанатичныхъ монаховъ, распутниковъ, измѣнниковъ и шпіоновъ.

Тѣсное единеніе со всѣми гражданами передъ лицомъ опасности новаго пораженія въ борьбѣ за свободу,—вотъ тактическая задача, которая стоитъ передъ русскимъ революціоннымъ пролетаріатомъ. Будемъ остерегаться лже-непримиримой агитаціи агентовъ-провокаторовъ.

Г. Плехановъ.

Побѣда Германіи—смерть русской свободы.

Съ начала войны было ясно, что вооруженное столкновеніе между Германіей и Россіей неизбѣжно повлечетъ за собой открытый конфликтъ между русскимъ народомъ, борющимся противъ германскаго нашествія, и русскимъ правительствомъ, тѣсно связаннымъ съ Германіей. Естественнымъ послѣдствіемъ этого конфликта должно было явиться паденіе русской династіи.

Только полное незнаніе духовнаго развитія русскаго народа за послѣдніе годы и полное незнакомство съ современной исторіей Европы могло зародить предположеніе, что побѣда и торжество Германіи могутъ способствовать освобожденію Россіи.

Война доказала намъ, каковы были истинныя завоевательныя намѣренія правителей Германіи, ея интеллектуальныхъ вождей и большинства германскаго народа. Если эти мечты о захватѣ когда-либо получили бы осуществленіе, то Европа оказалась бы обращенной въ одинъ сплошной военный лагерь и ея духовное развитіе пріостановилось бы на много десятилѣтій. Послѣднія совѣщанія соціалистовъ въ Кинталѣ оказались въ результатѣ

лишь праздной болтовней, и союзникамъ остается теперь лишь одно—продолжать войну до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно сломленъ германскій имперіализмъ.

Если это необходимо для Франціи и Англіи, то это тѣмъ болѣе жизненная проблема для Россіи, которая должна еще укрѣпить за собой плоды только что одержанной блестящей побѣды во имя дальнѣйшаго развитія, политическаго и соціальнаго, нашей родины.

Изгнать австро-германцевъ изъ занятыхъ ими территорій—вотъ первая и насущнѣйшая задача Новой Россіи.

Врагъ уже идетъ на наши столицы, желая возстановить самодержавный произволъ и этимъ спасти свой пошатнувшійся тронъ.

Правители Германіи больше всего опасались всегда того переворота, который свершился въ Россіи, и теперь они хотятъ уничтожить плоды этого переворота и превратить русскій народъ, какъ они уже сдѣлали съ бельгійскимъ, въ народъ рабовъ, долженствующихъ гнуть спину подъ бременемъ тяжелаго труда во имя обогащенія крупныхъ германскихъ промышленниковъ.

Мы, русскіе, показавъ міру такое рѣдкое единодушіе и такую безпримѣрную сплоченность при сбрасываніи съ себя ига самодержавія,—должны быть такъ же единодушны и въ нашемъ стремленіи сохранить за собой наши побѣды и укрѣпить ихъ нашей творческой работой въ дѣлѣ снабженія ар-

міи и организаціи снабженія народа необходимыми для его существованія припасами. Этимъ путемъ мы уготовимъ путь для будущей соціализаціи нашихъ естественныхъ богатствъ, орудій производства и обмѣна.

Народы Италіи, Франціи и Англіи уже работаютъ въ этомъ направленіи.

Темныя силы, отъ которыхъ Россія только что освободилась, уже призываютъ къ себѣ на помощь германскія полчища.

Мы знаемъ, что появленіе германскихъ пушекъ въ Петропавловской крѣпости и германскихъ пулеметовъ на Невскомъ проспектѣ равносильно было бы смерти русскаго освободительнаго движенія. И я увѣренъ, что Россія до послѣдней возможности будетъ бороться съ австро-германскими полчищами.

П. Кропоткинъ.

Побѣда на фронтѣ и побѣда революціи неразрывны.

Для всѣхъ, знающихъ Россію и современную Европу, очевидно, что нашъ долгъ—противодѣйствовать всѣми силами австро-германскому вторженію въ Бельгію, Францію, Сербію и Россію. Въ этомъ отношеніи мы единодушны съ русскимъ народомъ. Для народа ясно, что не германскій пролетаріатъ вторгся въ русскіе предѣлы. Было ясно также, что Германія и Австрія имѣли въ виду подчинить населеніе завоеванныхъ ими территорій экономическому рабству, чтобы потомъ имѣть возможность предпринимать новыя завоеванія. Весь русскій народъ понялъ это и объединился для защиты родины. Съ самаго начала войны было ясно также, что этотъ конфликтъ приведетъ къ кровопролитному столкновенію съ самодержавіемъ. Тысячи фактовъ дали русскому народу понять, что самодержавіе вмѣстѣ со своими духовной и гражданской камарильями заодно съ германскими насильниками, что священный союзъ, установленный въ 1815 году между привителями Пруссіи, Австріи и Россіи для охраненія абсолютизма противъ европейскихъ демократій, въ дѣй-

ствительности продолжалъ существовать до 1-го марта настоящаго года, когда петроградская революція низвергла одного изъ этихъ правителей. На нашихъ многочисленныхъ друзей въ Англіи произвело большое впечатлѣніе то единодушіе, съ какимъ была проведена русская революція. Объясненіе этому въ томъ, что за два съ половиной года наша армія поняла, кто ея лучшіе друзья. Ея друзьями были, разумѣется, тѣ, которые тысячью способовъ оказывали помощь доблестнымъ войскамъ, тогда какъ самодержавное правительство высказывало только свою абсолютную неспособность и вѣроломное германофильство. Это было и почвой для объединенія арміи съ народомъ. Неслыханный успѣхъ русской революціи удивляетъ насъ еще и потому, что ваша печать никогда не говорила вамъ о томъ, какъ сильны и неразрывны узы, связывающія армію съ крестьяниномъ. Вы никогда не были въ курсѣ огромной работы, выполненной русской интеллигенціей, городскими самоуправленіями и земствами. Вы задаетесь вопросомъ: какъ могло случиться, чтобы тѣ самые казаки, которые въ 1905 году проявили себя такой жестокостью по отношенію къ народу, теперь вдругъ объединились съ народомъ? О, если бы кто-нибудь изъ васъ могъ побывать вечеромъ на платформѣ станціи русской желѣзной дороги въ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда на улицѣ трещатъ суровые морозы, чтобы видѣть, какъ молодые студенты и курсистки ждутъ прибытія поѣздовъ

съ ранеными солдатами, чтобы затѣмъ переправить ихъ въ госпиталь!! Если бы вы могли видѣть, съ какой нѣжной заботой эти молодые люди ухаживали за тѣми же самыми казаками 1905 года, вы поняли бы, какъ русская молодежь покорила себѣ армію. Вы поняли бы также, почему армія ненавидѣла «нѣмку» и «ея мужа».

Въ настоящую минуту главный долгъ для Россіи, а также для Англіи и Бельгіи—прогнать германскихъ насильниковъ съ тѣхъ территорій, которыя они заняли, съ которыхъ не хотятъ уйти добровольно и не уйдутъ, пока ихъ не заставятъ сдѣлать это силой. Это вопросъ жизни для Россіи, а равно для конечнаго успѣха русской революціи. Если бы когда-нибудь германская пушка была поставлена на бастіонъ Петропавловской крѣпости, это было бы равносильно пораженію русской революціи. Мы не хотимъ этого, и вы,—я въ этомъ увѣренъ,—заодно съ нами. Мы хотимъ сберечь то, что мы завоевали, а русскій народъ, безъ сомнѣнія, упрочитъ эти завоеванія дальнѣйшимъ развитіемъ созидательнаго труда, подготовляя почву для соціализаціи земли, ея природныхъ богатствъ, ея производительности и товарообмѣна».

П. Кропоткинъ.

Необходимость внутренняго единства.

Теперь, когда русская революція уже совершившійся фактъ, мы здѣсь, на Западѣ, можемъ быть, наконецъ, откровенными съ нашими русскими друзьями.

Вотъ что мы носили въ своихъ сердцахъ: хотя мы и не могли обойтись безъ военной помощи царя, нашъ союзъ съ нимъ считался въ свободомыслящихъ кругахъ позоромъ и даже наши реакціонеры находили такой союзъ крайне неудобнымъ. Мы всѣ знали, что правительство царя въ десять разъ хуже правительства кайзера, и когда нѣмцы насъ упрекали и высмѣивали насъ въ Америкѣ за то, что мы соединились съ самымъ варварскимъ и узко фантастическимъ самодержавіемъ Европы для того, чтобы раздавить самую культурную державу въ мірѣ, мы ничего не могли отвѣтить, кромѣ того, что русская армія намъ необходима въ качествѣ парового катка. Вашихъ дипломатовъ безпокоила даликатность нашихъ отношеній со Швеціей. Швеція, несмотря на вліяніе нѣмецкихъ круговъ, отнеслась бы дружественно къ четверному согласію, если бы не боялась царскаго режима; у нея былъ передъ глазами опытъ сосѣдней Фин-

ляндіи, какъ примѣръ того, чего можно было ожидать, если бы она попала въ управленіе царей, которые со временъ Петра и Карла XII стремились распространить свою власть по ту сторону Балтійскаго моря.

Нѣкоторые англійскіе писатели пробовали смягчить то чувство отвращенія къ русскому правительству, которое сдѣлалось глубокимъ жизненнымъ инстинктомъ у всѣхъ любящихъ свободу.

Ихъ усилія оказались безполезными. Когда Треповъ обнаружилъ, что царь ожидалъ въ качествѣ вознагражденія за свою помощь отдачу Англіей Константинополя подъ его тираническую власть, въ Англіи выростало молчаливое, но твердое рѣшеніе, что, какъ бы русскій царь ни угнеталъ собственный народъ, ему не позволимъ мы перечеканить нашу кровь въ восточныя монеты для собственнаго кармана.

Одинъ депутатъ во французской палатѣ чуть не вызвалъ деморализацію всей французской арміи, когда спросилъ: неужели еще сотни тысячъ французовъ должны умирать для того, чтобы султана замѣнилъ царь?

Все это время, помните, мы испытывали постоянный страхъ, какъ бы Гогенцоллерны въ моментъ вдохновенія не сдѣлали изъ Польши независимое королевство, и какъ бы затѣмъ не обратились къ намъ съ вызовомъ передъ всѣмъ міромъ, чтобы мы отняли у Польши независимость и вернули ее обратно подъ власть Романова.

Пока русскіе этого не поймутъ, они не могутъ представить себѣ огромнаго чувства облегченія и восторга, съ которыми вѣсть о революціи была принята въ Англіи. Люди, которые ненавидѣли войну и не видѣли въ ея послѣдствіяхъ ничего, кромѣ сквернаго, признали, что это—благовѣстъ всему міру и что если война ничего не дастъ, кромѣ того, что покончитъ съ царизмомъ и поставитъ Россію въ авангардъ свободныхъ народовъ, рядомъ съ Франціей и Соединенными Штатами Америки, она въ десять разъ себя оправдаетъ.

Кровь, которую мы пролили въ Галлиполи, теперь не кажется намъ пролитой въ сомнительномъ дѣлѣ, рядѣ сомнительныхъ цѣлей. Въ Персіи мы уже не разбойники и не соучастники разбойниковъ. Все прекрасное, написанное о томъ, какъ Бастилія пала въ Парижѣ въ 1789 году, цитировалось и декламировалось нашими популярными государственными дѣятелями, когда они узнали, что, наконецъ, русскіе революціонеры заняли Петропавловскую крѣпость.

У насъ есть свои реакціонеры, какъ и у васъ, въ Россіи, но никто изъ нихъ не посмѣлъ обмолвиться ни единымъ словомъ въ защиту павшей тираніи.

Наконецъ, мы воюемъ съ чистыми руками! Теперь намъ уже не приходится извиняться за союзъ съ Россіей. Скорѣе намъ надо теперь увѣрять ее, что въ будущемъ ей не придется стыдиться насъ, несмотря на монархическія формы нашей консти-

туціи. Я долженъ сказать, что никакая дурная вѣсть даже о самой ужасающей германской побѣдѣ не можетъ быть такъ страшна для насъ, какъ вѣсть о томъ, что Петроградъ, Москва и русская армія пали, и что вновь появилась опасность возстановленія старой власти въ Россіи. Камни на улицахъ нашихъ городовъ возопіяли бы противъ этого ужаса. Я сомнѣваюсь, чтобы даже Гогенцоллерны посмѣли бы передъ лицомъ демократическаго общественнаго мнѣнія помочь царю устроить контръ-революцію. Благодаря поступкамъ и дѣятельности бывшаго царскаго правительства монархизмъ навсегда сталъ зловоннымъ. Только безумцы, только темные невѣжественные фанатики смѣютъ ввергнуть Россію обратно въ ту яму, изъ которой она только что вылѣзла на свѣтъ Божій. Во всякомъ случаѣ, нельзя позволить ни безумцамъ, ни невѣждамъ, ни придворнымъ повернуть часовыя стрѣлки назадъ.

Если Россіи суждено имѣть своихъ эмигрантовъ изъ аристократовъ, она должна ихъ раздавить одной рукой, а другой она должна освободить Германію, раздавивъ Гогенцоллерновъ. Уже германскій солдатъ начинаетъ питать благодарность къ русскому солдату, потому что одни отклики трубныхъ звуковъ русской свободы уже сломили суровую прусскую дисциплину и заставили германскихъ офицеровъ немного уважать своихъ подданныхъ. Свергнувшая Романовыхъ Россія

впервые завоевала себѣ право свергнуть Гогенцоллерновъ безъ лицемѣрія.

Неужели же она должна вернуться назадъ,— если бы Романовы вернулись,—ничему не научившись, ничего не добывши? Если бы это случилось и Романовы вернулись бы, они стали бы такъ кроваво, такъ ужасно мстить, что пришлось бы снова сызначала устроить революцію съ безпощадностью, о которой не хочется даже мыслить. Революція не должна провалиться ни въ тылу, ни на поляхъ битвы.

Германія, еще не устроивши у себя революціи, теперь уже неизбѣжно, благодаря русскому примѣру, все еще вѣритъ, что она обязана своей славой и военнымъ престижемъ Гогенцоллернамъ. Германская армія увидѣла, что русскій народъ, пока онъ былъ въ рабствѣ у Романовыхъ, принужденъ былъ уступить передъ ихъ натискомъ, несмотря на свою беззавѣтную храбрость. Теперь же германскимъ войскамъ придется на опытѣ почувствовать, что можетъ сдѣлать революціонная армія свободной Россіи. Теперь въ этомъ отношеніи для Россіи насталъ часъ испытанія. Но никто на западѣ не сомнѣвается въ результатахъ его, если только Россіи удастся сохранить внутреннее единство.

Надо отдать справедливость даже Романовымъ,— нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто понимаютъ, что для Россіи сейчасъ необходимы единодушіе, единая воля и непреклонное рѣшеніе. Если бы какой-

нибудь придворный захотѣлъ теперь провалить революцію, онъ былъ бы болѣе монархиченъ, чѣмъ самъ царь, и менѣе патріотиченъ, чѣмъ тѣ великіе князья, которые признали революцію. Этимъ послѣднимъ, несомнѣнно, пришлось проглотить не одну горькую пилюлю, прежде чѣмъ принести эту жертву.

Русскій народъ долженъ кое-что пожертвовать ради единства и побѣды. Соціалисты не должны навязывать свою программу либераламъ, либералы не должны навязывать своей программы соціалистамъ; эти взаимныя уступки необходимы во имя нераздѣленія силъ передъ лицомъ общаго врага. Сперва нужно спасти Россію и свободу, а когда Россія и свобода будутъ въ безопасности, тогда настанетъ время для такихъ вопросовъ, которые раздѣляютъ русскихъ отъ своихъ же русскихъ, англичанъ—отъ англичанъ, французовъ—отъ французовъ и, не забудемъ этого, нѣмцевъ—отъ нѣмцевъ. Въ данный моментъ объединяющіе всѣхъ вопросы должны стать выше вопросовъ, разъединяющихъ. Всѣ должны пока пожертвовать партійными лозунгами такъ же, какъ они жертвуютъ имуществомъ и жизнью ради блага родины.

Бернардъ Шоу.

